

УДК 81`1

Маслова Валентина Авраамовна

профессор кафедры ДиНО Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор (г. Витебск, Белоруссия).

mvavit@tut.by

orcid: <https://orcid.org/0000-0002-4938-838X>

Ментальность как «глубинный корень народной жизни» (по В.В. Колесову)

Аннотация. В статье, основываясь на концепции ментальности В.В. Колесова, рассматривается концепт дома как жилища и части бытовой культуры Витебского региона. Цель статьи – описать концептуализации дома в аспекте региональной специфики восприятия этого фрагмента мира. Источником языкового материала стали 2 словаря: Касперович Н. Віцебскі краёвы слоўнік (включает 9703 слов; 1927 года издания) и современный источник – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны (опубликованный в 2012 году). Научная новизна проводимого исследования состоит в первом опыте обращения к теме групповой, региональной ментальности и рассмотрении ключевого лингвокультурного концепта *дом* с этих позиций. Проблема концептуального восприятия дома анализируется с трех сторон: 1. Культура региона как проблема региональной лингвистики. 2. Дом – это организующий центр мира в русской философии и культуре. 3. Дом с позиции лингвокультурологии, поскольку анализ языка – это способ описания и существования культуры. Дом – важная часть бытовой культуры, существующая в двух ипостасях: материальной и духовной. В русской и белорусской лингвокультурах дом – это внутреннее, обжитое человеком пространство, часть своего – освоенного – мира, окруженное хаосом; это как бы двойник человека: кухня – чрево, окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги и т.д. Центром в доме считается печь, слева от нее находился *бабий кут* – женский угол. Важен для любого дома был *красный кут*: к углу приставлялся стол, над которым подвешивалась полочка для икон. Материальная и духовная составляющие в структуре концепта дом взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова: дом, бытовая культура, регионалистика, философия пространства, лингвокультурология.

Введение

Ментальность – это важнейшая составляющая русской духовности. Именно ментальность – основа единства и преемственности поколений в национальной культуре. Термин «ментальность» является одним из

центральных терминов современных социально-гуманитарных наук. Еще В. фон Гумбольдт отстаивал тезис, что первейшим и наиболее полным выразителем менталитета как личности, так и этноса является язык. Современная лингвистика активно обращается к вопросу языкового воплощения ментальности.

Методы исследования

Для анализа языкового материала использовались как традиционные методы – компонентный анализ значения регионального концепта *дом*, методы системного анализа языковых явлений, так и новые – современные дескриптивные методы системного анализа языковых явлений, различные лингвокультурологические методики анализа языка.

Литературный обзор

По определению В.В. Колесова, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с. 81]. Подобным является определение, данное В.В. Колесовым позднее: «Ментальность есть восприятие в категориях и формах родного языка, соединяющие интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [5, с. 11]. Отметим здесь, что ментальность, по В.В. Колесову, в обоих определениях объединяет в себе «интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера».

С каждым новым толкованием феномен ментальности все углубляется, поэтому нужна интегративная концепция ментальности, которая объединила бы все возможные подходы. По А.Я. Гуревичу, *ментальность – это способ видения мира, это уровень общественного сознания* [2, с.76]. В.И. Постовалова считает, что в понимании ментальности есть две полярные точки зрения. Первая – «выражается в тенденции к одномерности и абсолютизации толкований ментальности», что выражается в анализе феномена изнутри отдельной науки. Вторая – заключается «в склонности к чрезмерной многозначности и неопределенности» [11, с.25]. Это так, как термин используется в СМИ. В новой интегративной ментологии ментальность должна рассматриваться в трех основных ракурсах: миропостижение, взаимопонимание, самосознание [11, с.25]. Она должна охватывать все от глубинного духовного уровня сознания до проявления его в разных формах человеческого бытия.

Результаты и обсуждения

Большинство ученых сходится во мнении, что целесообразно выделять ментальность индивидуальную, групповую, национальную. Если ментальность индивидуальная довольно хорошо описана в рамках обращения лингвистов к языковой личности, чаще писателя,

национальный менталитет лингвисты пытаются описать через изучение понятий языковая картина мира, концептосфера народа, наивная картина мира и т.д., то исследования групповой ментальности являются довольно редкими. В данной статье мы как раз будем говорить о групповой, региональной ментальности, с позиции которой будет рассмотрен концепт ДОМ. Как известно, В.В. Колесов справедливо считал, что «основная единица ментальности – концепт данной культуры» [4, с. 81]. Дом – источник многочисленных метафор: «в культуре формируется и широко функционирует обширная парадигма образов» [9, с. 44].

Хотя концепт **дом** не раз был реконструирован лингвистами, но, с одной стороны, мы строим его на региональном материале и с позиций региональной лингвистики, что интересно уже потому, что региональный материал почти не подвергался заимствованиям и иной порче языка; а, с другой стороны, границы любого концепта диффузны, подвижны, пересекаются с другими концептами концептосферы и становятся немного иными при каждом новом описании.

Таким образом, в статье рассматривается концепт **дом** как жилище и часть бытовой культуры Витебского региона. Концепт реконструируется как организующий центр мира в русской философии и культуре. В лингвокультурологии – как способ описания и существования культуры. Культура прорываются сквозь слово, которое значит больше, чем нам кажется на первый взгляд, т.е., помимо значения, они несут в себе культурную информацию. Многие высказывания и тексты без знания культуры и социальной ситуации вообще понять невозможно. Например: Поймал старик золотую рыбку, которая за свою свободу обещала исполнить любое его желание. – *Хочу накопить с пенсии на «Мерседес»*, – попросил ее дед. И тем самым хитрый старик обеспечил себе бессмертие. Для понимания необходимы культурные знания – сюжет сказки, социальные знания – «Мерседес» – дорогая машина, а пенсии не хватает даже на нормальную жизнь.

Итак, региональная лингвистика – это часть общей большой проблемы варьирования языка в пространстве. В начале XX века возник лингвогеографический метод, результатом которого стали лингвистические атласы ряда стран, например, Франции и Германии. И.И. Срезневский еще в середине XIX века указывал на необходимость изучения языка в пространственной проекции [7, с. 6]. Справедливости ради нужно сказать, что в XX веке – Е. Ф. Будде, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и др. крупные лингвисты отрицали сам факт возможности варьирования литературного языка, и лишь во второй половине XX века в работах Р. Р. Гельгардта, М. В. Панова, И. Г. Добродомова утвердилась бесспорность наличия вариантов литературного языка, прежде всего региональных. Официальным признанием данного направления в лингвистике стала работа «Типы наддиалектных форм языка» (М.: Наука,

1981). Однако до сих пор у ряда лингвистов можно наблюдать скептическое отношение к данной проблеме.

Сам термин «регионализм» возник в 80-е г.г. прошлого века, а «региолект» в 90-е – в работах В.И. Трубинского (1991) и А.С. Герда (1995). В научной литературе, кроме термина «региолект», используется ряд других терминов – «региональный язык», «региональные говоры», «региональные черты».

На рубеже XX и XXI веков вновь вспыхивает интерес к крестьянской и традиционной культуре, изучению народных говоров, которые вопреки прогнозам не исчезают, а изменяются, приобретая черты регионального языка (В. М. Жирмунский). Вопросу разграничения языка и диалекта посвящена обширная литература, и все же, по замечанию французского исследователя Э. Гийореля, «лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект».

Анализ существующей литературы позволяет понять, что региональному языку присуща более высокая степень развития функциональной системы, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Кроме того, именно язык заключает в себе самооценку народа и его соседей, отображает национальное самосознание и национальный характер, фиксирует в себе элементы материальной и духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте).

Мы используем в своей работе словарь Н. Касперовича «Віцебскі краёвы слоўнік», который включал в 9703 слов и был издан в 1927 г. [14], и более полный «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» 2012 г. [15].

Язык региона включает в себя местные диалекты, если это преимущественно сельский регион в глубинке, где он относительно замкнут. Сюда, кроме диалектов, можно отнести неологизмы XXI века, например, связанные с ковидом (*ковитнутый, ковигисты*), региональные названия объектов мира: кабысдох = худая собака; кутёнок = щенок; чушка = свинья; сажалка = пруд; гарбуз (тыква), бурак (свекла), дичка (дикая яблоня), смецце (мусор), *мальцы* (Витебский регион). Региональные названия учреждений (Витебский госуниверситет, сеть магазинов «Витебские продукты»), организаций («Витебскстрой»), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей региона (для Витебщины. – *М. Шагал, И. Репин, Ю. Пэн, П. Машеров, Ж. Алферов*) и др.).

В Витебском регионе функционирует «трасянска» – смесь русского и белорусского языков: *Домовка* – жилье, дом, квартира: *Мая дамоука вози калоцца, яе легка найці*. Отсюда следует, что концепт в региональном языковом сознании предстает иным. **Дом** обозначает жилище человека часто вместе со всем хозяйством вообще – *хлевом, баней, амбаром, сараем* и другими придомовыми постройками.

Рассмотрим проблему «**Дом как пространство. Философский аспект**». Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком, оно организуется вокруг человека как центра макро- и микрокосмоса. **Дом** – это образ замкнутого пространства. Это «свое» пространство, которое противопоставляется всему остальному – «чужому». Оно безопасно, способно помогать человеку: *Домой придешь – хлеб-соль найдешь*.

Сами по себе пространственные отношения оказываются теми «примитивами», к которым сводятся более сложные представления. Восприятие пространства никогда не ограничено утилитарно-прагматическими аспектами, но, по утверждению В.Б. Касевича, «...всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества» [3, с. 137]. Части дома начинают принимать на себя самые разные смыслы: люди извлекают некоторые знания из *подвалов памяти* и движутся вверх по служебной *лестнице*, переходя со *ступеньки на ступеньку*, бьются головой о *стену*, наконец, достигают *потолка*, а потом у них едет *крыша*, и эту ситуацию можно характеризовать – *не все дома*.

Поведение людей в значительной мере связано с пространством вообще и пространством дома, в частности, и это отображено в языке: *Дом невелик, да лежать не велит. В своем дому не кланяются никому. Дом крепок не укладом, а ладом. В доме повешенного о веревке не говорят*. В данных поговорках закреплён опыт славянского народа: дом как жилище требует постоянной заботы человека, в доме все должны жить в ладу и согласии, в своем доме человек – хозяин.

В мифологической традиции пространство вселенной расходится «от человека» концентрически – кругами. Самый ближний круг (микрокосм) – это сам человек. Его граница – тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических и прочих норм. В русском языке существует выражение «это меня не касается». Ср. белорусское «гэта мяне не датычыць», внутренняя форма глагола – «тыкаць», что позволяет предположить следующее: в менталитете белорусов заложено более грубое, чем просто прикосновение, нарушение микрокосма человека.

Следующий круг – это дом человека, его ближайшее окружение. Круг дома у кочевых народов, например, у казахов, – это степь, по которой человек со стадом проходит за световой день. Поэтому уход из дома в мифологии, фольклоре – это начало приключений и испытаний.

Последняя граница вокруг человека – это граница «своей» земли, родины. Всякое массовое переселение, смещение с нее воспринималось как трагедия. Лишь после того, как возникли первые государства, граница стала государственной, а присоединение чужих земель стало интерпретироваться как «освоение», «окультуривание» чужого пространства.

Разновидность дома – **храм**, это дом для Бога. Но и в доме есть места, которые называют «христианскими», «чистыми», например, красный угол. Нечистыми местами считаются: баня, овин, кузница) и т.п. Испокон веку храмоустоительство имитирует космогоническое свершение, а сами храмы в миниатюре олицетворяют мирозданье, но в то же время – это символ региона, т.е. малой родины:

*Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, –
И было б всё по-вологодски (Н.Рубцов).*

Третий аспект концепта, предлагаемый в статье, – дом как жилище, место обитания человека, его **лингвокультурный аспект**. Вопрос о концептуализации дома тщательно разработан Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [1]. Поэтому рассмотрим те аспекты проблемы, которые либо вообще не отражены в названном исследовании, либо мы имеем иную точку зрения на уже выделенные аспекты.

Дом – это часть бытовой культуры, которая существует в 2-х ипостасях: материальная и духовная. Духовная культура в зеркале языка – вечная проблема, идущая от школы «Слова и Вещи». В культуре не только слова, но и материальные предметы могут нести духовный смысл; между духовной и материальной культурой нет резкой непреходимой границы (например, камень на обочине дороги – материальная культура, первосущность, по Аристотелю, и этот же камень на могиле как символ памяти – духовная культура). Более того, в культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две эти стороны. Такова ситуация и со словом **дом**. В русской и белорусской лингвокультурах **дом** – это внутреннее, обжитое человеком пространство мира, окруженное хаосом; это как бы двойник человека: кухня – это чрево, окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги и т.д. Это раковина, к которой прирос человек, поэтому в него мы возвращаемся, как заколдованные: *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают.*

Поскольку жители Витебского региона в прошлом вели оседлый образ жизни, дом у них вошел в ядро языкового сознания, о чем свидетельствуют многочисленные ассоциативные эксперименты. По мнению психолингвистов, в языковом сознании русских он стоит на втором месте, у белорусов на 4, у испанцев на 10, у англичан – на 22. Поэтому слово **дом** – заголовочное для нескольких больших словарных статей «Ассоциативного словаря...».

Дом имеет целый ряд синонимов: *хата, изба, землянка, терем* (дом в виде башни), *дворец* и др. Если в белорусской части пограничья превалирует слово *хата*, то в Брянской – *изба*. В Витебском регионе встречаются такие номинации: *дом* – это *гроб*: *Быу у нас такі Ахрэм ен усім пакойнікам дамы делау* (Дедин. Мог.) **Жило** – это дом. От него –

жилец, житель (Сколько жильцов живет у Беларуси?). Приоритетным является представление о *родном доме* (кров, очаг, изба, хата). Это перекресток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага. *Родной дом* – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая «связь времен». Дом – это еще и убежище, последняя опора в жизни: «*Дом, который не страшен в час народных расправ*» (М. Цветаева).

Дом как жилище может иметь разный вид: городской квартиры (многоэтажный, хрущоба, коммуналка), частный сельский дом (изба, хата), и промежуточный тип (большой, но частный) – коттедж. Не только в литературном, но и региональных языках содержатся смыслы, идущие из глубины веков, например, **ДОМ** как царство мертвых, могила, гроб: дом на погосте; вечный дом.

Дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и жизнью человека, что было подтверждено психоаналитиками. Фасад дома – это внешний облик человека, крыша – голова и разум. Подвал – область бессознательного и т.д.

Больше всего в региональном материале обнаружено значение «**дом – это строение**»: *вот мой дом*. Главное место в доме занимала **печь**, которая считалась центром дома: «Понятие середины, центра какой-то системы весьма существенно для всякого иерархически построенного общества. Центр – это точка отсчета и мера всему» [6, с. 225]. Слева от печи – **бабий кут** – женский угол. Важен для любого дома был и красный кут – главное место в доме. Там к углу приставлялся стол, над которым была полочка для икон. Все, входящие в дом, кланялись этим иконам.

Несколько реже в текстах встречается значение дом – это еще и **люди, семья**, живущие вместе: *Здесь мой дом – родители, брат*. «все проявления мира и человека соотносятся друг с другом и совместно определяются высшим уровнем бытия, направить течение которого вполне в человеческой власти» [7, с. 42]. Дом – средоточие жизни. Символика дома чрезвычайно насыщена: «*Дом, жилище во всех культурах осознается как центр мира человека*» [10, с. 299]. Центральная точка обжитого пространства всегда четко обозначена: «*В хозяйственной жизни оседлого человека центр мира – двор, центр двора – дом; центр, сердце дома – очаг*» [13, с. 209]. Добавим: а у очага – хозяйка. В белорусском пограничье нам встретились такие поговорки: *Жонка тры вуглы дома трымае. Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом растрасе*.

Дом как свое, безопасное, обжитое пространство противопоставлен лесу (М.Ю. Лотман) как чужому, опасному, дьявольскому пространству: *Дома и солома съедома*. В белорусских регионах встречаются такие поговорки: *Свая хатка – родная матка; У сваёй хаце і качарга маці; У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць*. В Российских регионах Смоленщины и Брянщины частотны: *Дома и стены помогают. Лучше дома своего нет на*

свете ничего. В обоих регионах встретились: *Хорошо тому, кто в своем доме*. И так, дом – замкнутое пространство, безопасное пространство, свое пространство: «А дом – это мир, где вся злая энергия исчезает, куда непросто попасть кому-то постороннему – это твое и только твое пространство» (А.Фомин).

Дом может выступать в значении «город» и «страна»: *Наш дом – Россия. Москва! – Какой огромный / Странноприимный дом!* (М. Цветаева). Как отмечал В.В. Колесов: концепт постоянно развивается в границах национального символа; символ склонен к постоянным изменениям и гибко реагирует на изменяющиеся ситуации [8, с. 69].

Заключение

Региональная лингвистика объясняет ряд закономерностей регионального языка и помогает понять особенности регионального концепта культуры. С точки зрения философии дом – это организующий центр мира в региональной лингвокультуре Витебщины. С позиций лингвокультурологи, реконструкция концепта – это способ описания и существования культуры.

Литература

1. Верещагин Е.М. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Икар, 2000. – 97 с.
2. Гуревич М. Ментальность / М. Гуревич // Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. – М. : Прогресс – Рауот, 1998. – 560 с.
3. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. / В.Б. Касевич. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1996. – 279 с.
4. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 364 с.
5. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2007. 624 с.
6. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 4 кн. Кн. 5. Мудрость слова / В.В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 480 с. (Филология и культура).
7. Колесов В.В. Мир человека в русской ментальности / В.В. Колесов, М.В. Пименова // Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – М. : Флинта, Наука, 2016. – С. 29–43.
8. Колесов В.В. Смысл (семантический аспект в отношении к слову) / В.В. Колесов, М.В. Пименова // Введение в концептологию: учебное пособие. – М. : Флинта, Наука, 2016. – С. 62–79.
9. Маслова В.А. Лингвокультурный код как способ описания языка / В.А. Маслова // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев : Издательский дом Д. Бураго, 2014. – С. 44–51. (Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).

10. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ / М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).

11. Постовалова В.И. «Уходя в бездну истории». Творческий путь А.Ф. Лосева / В.И. Постовалова // *Метафизика*, 2023. № 3. – С. 89–105.

12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка / И.И. Срезневский. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893 – 1903. Т. I. 1893 с.

13. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М.: АСИТ, Харьков : Торсинг, 2006. – 591 с.

14. Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік. А–Я. Матэрыялы / пад рэд. М. Я. Байкова, Б. І. Эпімах-Шыпілы. Інстытут беларускай культуры. – Віцебск : Заря Запада, 1927. – 372 с.

15. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2012. Ч. 1. 304 с.; Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / склад. Г.К. Семянькова [і інш.]; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск: УА "ВДУ імя П. М. Машэрава, 2014. Ч. 2. – 358 с.

Valentina A. Maslova

Prof. Department of Preschool and Primary Education, Vitebsk State P.M. Masherov University.

Doctor of Philological Sciences, Professor (Vitebsk, Belarus)

mvavit@tut.by

orcid:<https://orcid.org/0000-0002-4938-838X>

Mentality as “the deep root of people’s life”, according to V.V. Kolesov

Abstract. In the report, based on the concept of mentality V.V. Kolesov, the concept of the house as a home and part of the everyday culture of the Vitebsk region is considered. The purpose of the article is to describe the conceptualization of home in the aspect of the regional specifics of this fragment of the world perception. The source of the language material was 2 dictionaries: Kasperovich N. Vitsebsk Regional Slounik (includes 9703 words; published in 1927) and a modern source – Regional Slounik Vitsebschyny (published in 2012). The scientific novelty of the ongoing research lies in the first experience of addressing the topic of group, regional mentality and consideration of the key linguocultural concept of home from these positions. This problem is analyzed from three sides: 1. The culture of the region as a problem of regional linguistics. 2. The house is the organizing center of the world in Russian philosophy and culture. 3. Home from the perspective of cultural linguists, since language analysis is a way of describing and existing culture. Home is an important part of everyday culture, existing in two forms:

material and spiritual. In Russian and Belarusian linguocultures, a house is an internal space inhabited by man, a part of one's own – mastered – world, surrounded by chaos; it's like a double of a person: the kitchen is the womb, the windows are the eyes, the stairs or porch are the legs, etc. The center of the house is considered to be the stove; to the left of it was the *woman's kut* – the women's corner. The *red kut* was important for any home: a table was placed in the corner, above which a shelf for icons was hung. The material and spiritual components in the structure of the house concept complement each other.

Keywords: home, everyday culture, regional studies, philosophy of space, linguoculturology.

References

1. Vereshhagin E.M. House of existence of language. In search of new ways to develop linguistic and regional studies: the concept of logoevisteme / E.M. Vereshhagin, V.G. Kostomarov. – Moscow, 2000. – 97 p.
2. Gurevich M. Mentality. Experience of a dictionary of new thinking / M. Gurevich. – Moscow, 1998. – 560 p.
3. Kasevich V.B. Buddhism. Picture of the world. Language / V.B. Kasevich. – St. Petersburg, 1996. – 279 p.
4. Kolesov V.V. Life comes from the word... / V.V. Kolesov. – St. Petersburg, 1999. – 364 p.
5. Kolesov V.V. Russian mentality in language and text / V.V. Kolesov. – St. Petersburg, 2007. – 624 p.
6. Kolesov V.V. Ancient Rus': heritage in words: in 4 books. Book 5. Wisdom of the word / V.V. Kolesov. – St. Petersburg, 2011. – 480 p. (In Russ.)
7. Kolesov V.V. The world of man in the Russian mentality / V.V. Kolesov, M.V. Pimenova. – Linguistic foundations of Russian mentality: textbook. – Moscow, 2016. – pp. 29–43. (In Russ.)
8. Kolesov V.V. Meaning (semantically aspect in relation to the word). / V.V. Kolesov, M.V. Pimenova. – Vvedenie v konceptologiyu: uchebnoe posobie [Introduction to conceptology: textbook]. Moscow, 2016. – pp. 62–79. (In Russ.)
9. Maslova V.A. Linguocultural code as a way of describing language / V.A. Maslova //Modern linguistics and mentality research in the 21st century: on the occasion of the 80th anniversary of Professor V.V. Kolesov / Ed. M.V. Pimenova. Kyiv, 2014. – pp. 44–51. (Conceptual and lingual worlds." Issue 5). (In Russ.)
10. Pimenova M.V. Concept heart: image, concept, symbol / M.V. Pimenova. – Kemerovo, 2007. – 500 p. (Series "Conceptual Studies". Issue 9). (In Russ.)
11. Postovalova V.I. Leaving into the abyss of history." Creative path of A.F. Loseva. Metaphysics. – 2023, №3. – pp. 89–105. (In Russ.)

12. Sreznevskij I.I. Materials for a dictionary of the Old Russian language. I.I. Sreznevskij / St. Petersburg, 2014, vol.1. – 1851 p. (In Russ.)
13. Kaspyarovich M. I. Vitebsk regional dictionary. Materials / Ed. M. Ya. Baikova, B. I. Epimachus-Shypily. – Vitebsk, 1927. – 372 p. (In Belarus)
14. Regional dictionary of Vitebsk region: in 2 parts / L.I. Zlobin (ed.). Vitebsk, 2012, part 1. 304 p.; Regional dictionary of Vitebsk region: in 2 parts; ed. by A.S. Dziadova. Vitebsk, 2014, part 2. – 358 p. (In Belarus)